

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ирина Турович

14 сказок для взрослых

Ирина Турович
14 сказок для взрослых

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Турович И.

14 сказок для взрослых / И. Турович — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Март 2020 года, Венеция. Выезд из города закрыт в связи с эпидемией. 18 человек, путешественники из разных стран и хозяин гостиницы La Giostra Nuova, вынуждены провести вместе больше двух недель в карантине. Хозяин Луиджи и старик в инвалидном кресле, известный писатель, предлагают всем затворникам написать по одному рассказу. Каждый вечер посвящен одной истории. В этих историях с широкой разбежкой жанров – от романтического рассказа до сатиры, от исповеди до рецензии, от дневниковых заметок до антиутопии – авторы представляют разные национальные характеры и разные срезы современной жизни. Это прихотливое сочетание прозы, поэзии и драматургии. Каждый рассказ также содержит аллюзию на определенную книгу. Несмотря на кажущуюся сложность структуры, «14 сказок для взрослых» – легкое чтение для широкого круга. Содержит нецензурную брань.

Основано на реальных событиях.

Место и время действия: Венеция, отель La Giostra Nuova, март 2020.

Действующие лица: Женщина (Швеция), Менеджер по рекламе (Россия), Два парня и девушка (Франция), Редактор (Израиль), Прихожанка (Литва), Толстый парень (Мексика), Фермер (Польша), Дж.Б. Фартинг (Австралия), Солдат (бывшая Югославия), Журналистка и ее муж (Украина), Хозяин Луиджи, или Покинутый любовник (Италия), Стареющий плейбой (Великобритания-Гавайи), Актриса (США), Старик и его Помощник (Монголия-Афганистан).

Книги из библиотечки отеля: Биографии поп-музыкантов, Н. Гоголь «Петербургские повести», Словарь юного филолога, журнал «Театральный вестник», А. Рембо сборник, Философы немецкого идеализма (на немецком), Петрарка «Сонеты», Африканские народные сказки, Ф.С. Фицджеральд «Великий Гэтсби», В. Набоков «Лолита», альбом репродукций «Открывая Орсе», Р.Л. Стивенсон «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», справочник «Востоковедение».

Для написания своих историй героям, застрявшим на карантин в отеле, пригодились также журнал New Yorker, использованный билет в музей Arts et Metiers и Катехизис.

Карантин, или необходимое предисловие

В холле отеля La Giostra Nuova собираются гости: Женщина, Фермер, Старик в инвалидной коляске и его Помощник, Прихожанка, Стареющий плейбой, Менеджер по рекламе, Солдат, Актриса, Журналистка с мужем, Толстый парень и Редактор. Хозяин отеля Луиджи, он же Покинутый любовник, делает объявление:

– Сеньоры и сеньориты! Дамы и господа! Прошу отнестись к моим словам со всей серьезностью и ответственностью. В области Венето опасная эпидемическая ситуация, и власти приняли решение закрыть наш город на карантин. Да, сначала они сократили программу карнавала, а теперь закрывают и все транспортное сообщение. До полуночи вы можете успеть покинуть город. После полуночи вам придется задержаться в Венеции минимум на семнадцать дней. Все вы мои гости. Мои последние гости в марте, потому что все, кто забронировал номера на более поздние даты, не приедут. Вы планировали свое путешествие заранее и собирались покинуть отель в разные дни. Обстоятельства складываются так, что уезжать вам надо либо сегодня, либо после 1 апреля. Вам надо принять решение. Если вы решите остаться, персонал сделает все, чтобы ваше пребывание здесь оставалось комфортным.

Женщина: Может, все обойдется и через два-три дня они отменяют карантин?

Хозяин Луиджи: В этом, мадам, я лично сильно сомневаюсь.

Солдат: Как быть с оплатой дополнительных дней? У меня осталось мало денег.

Хозяин Луиджи: Заплатите, сколько можете – мы должны покупать продукты и платить оставшимся работникам. Закончатся деньги, живите в долг. Я верю, что вы отдадите. Когда-нибудь.

Журналистка: Если мы уедем сегодня, вы вернете предоплату?

Хозяин Луиджи: Разумеется. Подойдите на стойку администратора, и я выпишу вам квитанцию и верну деньги.

Старик: Я остаюсь. Не успел посмотреть карнавал – погуляю хотя бы по городу спокойно, без суеты. Без толпы туристов.

Редактор: Если вас, дедуля, вообще в город выпустят.

Старик: Как это прикажете понимать?

Редактор: Запрут двери и гуляй Вася – за пределы отеля никуда. В Израиле бы так сделали.

Старик: Здесь вам не Израиль. Здесь свободная страна.

Редактор: Могут всех вообще по комнатам рассадить под замок. Как на японском круизном лайнере.

Менеджер по рекламе: Типун вам на язык. Посмотрите по карте, где та Япония и где мы.

Актриса: Ужас. Мы все заболеем и умрем.

Стареющий плейбой: Только не надо паники. Я еще жить собираюсь.

У Журналистки звонит телефон, она отходит в сторону и разговаривает.

Толстый парень: Я сегодня не поеду. Прикольно посмотреть, как они с этим карантинном разберутся.

Прихожанка: На вечернюю службу вчера пускали всех, никаких ограничений. Не хочу я домой ехать, здесь интереснее.

Хозяин Луиджи: Насколько понимаю, все вы, сеньоры, за исключением двух наших гостей, остаетесь до 1 апреля.

Журналистка: Мы тоже остаемся. Наш рейс из Рима отменили.

Стареющий плейбой: Если мы здесь застряли, давайте придумаем, чем заняться. В самом деле – запретят гулять по городу, так не бухать же все время и плевать в потолок.

Актриса: Да, с ума можно сойти в такой обстановке.

Хозяин Луиджи: В нашей литературе – Италия, дамы и господа, это родина не только великой живописи, но и великой литературы – есть классик Джованни Боккаччо. Он написал бессмертную книгу под названием «Декамерон». Герои этой книги, вынужденные провести в схожих обстоятельствах десять дней вместе, рассказывают друг другу истории. Давайте и мы последуем примеру классика.

Появляется Дж.Б. Фартинг:

– Прошу прощения! Я опоздала?

Старик: Нет, как раз вовремя к раздаче кренделей.

Фермер: Слушайте, я понимаю, что среди вас журналисты, там, профессиональные артисты, писаки там, не знаю кто еще. Что я буду рассказывать две недели – как у нас контрабанду через границу возят?

Толстый парень: А наши как возят! Тоже могу рассказать.

Хозяин Луиджи: Давайте каждый напишет по рассказу! Каждый вечер мы будем собираться и слушать, как читает автор, и потом обсуждать. У нас на стойке есть несколько книг. Каждый может взять по одной, в качестве образца, и что-то попробовать написать по мотивам. Согласны? Тогда подходим по очереди к стойке. С вашего позволения беру себе сонеты Петрарки.

Старик: Я требую соблюдения прав читателей! Книга должна быть на языке, доступном для понимания.

Хозяин Луиджи: Разумеется, сеньор. Пользуясь случаем, довожу до сведения всех присутствующих, что сеньор Х. известный писатель и для меня честь принимать его в своем отеле. Давайте его поприветствуем. Bravo!

Аплодисменты. Старик раскланивается из кресла.

Старик: Половина присутствующих, по меньшей мере, говорит по-русски. Начнем с русских книг.

Хозяин Луиджи: Сеньор, я русским не владею. Поможете мне распределить книги?

Старик: С превеликим удовольствием! Итак, начнем. Николай Гоголь «Петербургские повести».

Менеджер по рекламе: Можно мне?

Старик: Пожалуйста! Словарь юного филолога – кто там был особо одаренный из Израиля?

Редактор: Я.

Старик: Соблаговолите принять.

Редактор: Премного благодарствую.

Старик: Журнал «Театральный вестник». Вот вы, из Польши, вы по-русски должны читать?

Фермер: Я и разговариваю неплохо.

Старик: Надоест о контрабанде, напишете о шоу-бизнесе. Это актуально. А где «Лолита»? Я точно видел здесь «Лолиту». Значит, уже сперли. Похвально, конечно, что люди читают по своей инициативе...

Журналистка: Дайте нам что-нибудь.

Старик: А как же. Специально для вас – «Философы немецкого идеализма».

Журналистка: Но это на немецком! Мы не знаем немецкого.

Старик: Сколько лет вы уже под бандеровцами – двадцать или тридцать? Двадцать раз могли выучить.

Журналистка: Ну знаете ли. Степан Бандера, как истинный патриот, отказался сотрудничать с Гитлером.

Старик: Вы и свой украинский не можете выучить за тридцать лет. А учиться никогда не поздно. Берите философов, открывайте. Что там написано?

Журналистка: Кант.

Старик: Иммануил Кант. Категорический императив. Что непонятного? Идите, изучайте. В холле появляются трое молодых французов.

Старик: Переходим к книгам на других языках. К нам присоединились трое молодых людей, прошу к стойке, к сожалению, в арсенале нет ничего на французском...

Хозяин Луиджи: Прошу прощения, сеньор. Это двое молодых людей и одна девушка.

Старик: Кто из вас девушка?

Француженка робко поднимает руку.

Старик: Понятно. Джульетта. Хм. Шведка хоть и страшная, но хотя бы на женщину похожа.

Женщина: Возмутительно. Не понимаю, почему у вас репутация галантного кавалера.

Старик: А как бы мы иначе узнали, что вы говорите по-русски? Держите биографии поп-музыкантов. По-английски, но вы разберетесь.

Стареющий плейбой: Мне, пожалуйста, «Великого Гэтсби».

Старик: Держу пари – это вы сперли «Лолиту».

Стареющий плейбой: Мне сегодня тоже положена одна книга!

Старик: Ладно, читатель. Держите своего Фицджеральда. Что вам предложить, сестра ордена капуцинок?

Прихожанка: У меня есть своя. Катехизис.

Старик: Собираетесь переписать и запустить третью волну реформации после Лютера и Кальвина?

Дж.Б. Фартинг: Да вы просто старый нахал. Оставьте монашку в покое. Я тоже все свое ношу с собой. Журнал New Yorker.

Старик: От вас я ничего хорошего и не ждал. Стивенсон «Доктор Джекил и мистер Хайд». Кто возьмет?

Актриса: Я!

Старик: Похвально. Одна книга, стихи Рембо, на языке... похоже, хорватском.

Солдат: Дайте мне. Я серб.

Старик: Так, альбом «Открывая Орсе»... Курбе «Сотворение мира», нет, нашим французам за такое братья рано. Девушка, из кино, снова вы! Возьмите альбом, что-нибудь придумаете. Так, молодежь, свое что-нибудь есть?

Французы переглядываются.

Старик: Какое кино смотрели в последний раз, ну? Вспоминаем!

Молодой человек: Мы недавно были в музее искусств и ремесел. У меня даже билет сохранился.

Старик: Молодцы! Пишите про музей. Остаются «Африканские народные сказки» и «Востоковедение». Ну-с, товарищ Безос, вам кого?

Толстый парень: Круто! Безосом меня никто еще не называл. Беру сказки.

Старик: «Востоковедение» наше. Через три дня каждый должен быть готов представить свою историю. Каждый будет представлять какую-нибудь страну. Можно свою, можно ту, где побывали. Читаем в порядке жеребьевки. Всё!

День 1-й. Сказка о мужском достоинстве

Рассказ Женщины о нескольких коротких встречах

Жил-был юноша. Он не утруждал себя чтением и не любил кино, поэтому к тридцати годам сохранил здоровье и прекрасное зрение. Ему не нужна была музыка, потому что музыка из любого человека может сделать невротика. Он работал, сколько положено, тратил деньги на то, что разрешено, и в свободное время смотрел спортивные передачи. Это был идеальный гражданин любого государства. Но все-таки ему для полного счастья чего-то не хватало.

Юноша не мог понять, чего именно, и начал вздыхать и мечтать. Однажды в продуктовом магазине он подошел ко мне:

– Ты классная. Пойдем со мной!

– Тебе сколько лет? – это был естественный вопрос.

– Мне...

Он приврал. Но ненамного.

– А что тебе нравится? – спросила я.

Любопытство во мне перевешивает доводы здравого смысла. Только поэтому я еще живу. Здравый смысл подсказывал, что не стоит тратить времени на пустой разговор. Любопытство подсказывало, что юноша вздыхает неспроста.

– Мне нравишься ты, – сказал юноша.

– Тебе надо жениться на девушке своего возраста.

– Девушки не хотят со мной встречаться.

– Почему? Ты молодой, симпатичный, без вредных привычек.

– И не жадный. Но я живу с мамой. У меня нет своей квартиры. Девушкам сейчас нужно все сразу.

Что ж, он вполне логично предположил, что мне все сразу не нужно.

– Что тебе интересно? Где ты учился?

– Я отслужил в армии и работаю грузчиком. Уже десять лет.

– И ты не хочешь ничего изменить в себе?

– Понимаю, – вздохнул юноша. – Я для тебя слишком простой.

– У тебя впереди целая жизнь!

– Ничего другого из меня не получится. Я слишком простой.

– Ты хороший юноша. Ты должен найти себе невесту.

– Но я не могу! У меня нет квартиры.

Мы распрощались.

И тут я вспомнила про французского принца. Живет нормальный такой, современный принц с квартирой в 100 кв. м. в Париже. У него большая библиотека, пачка виниловых пластинок и четыре гитары. Настроенные. Это говорит о многом. Я знаю много людей с расстроенными инструментами.

Принцу за тридцать. Он музыкант и с гордостью сообщил, что гастролировал со своей группой даже за границей. В Прибалтике. Он уже забыл, как назывался тот город. Я бы на его месте тоже забыла.

– Ты зарабатываешь на жизнь только музыкой?

– Раньше получалось. Сейчас нет. Вечером я подрабатываю барменом.

У принца очень умная кошка. Кошке категорически не нравится, что хозяин где-то пропадает по ночам. «Он вообще про-па-да-ет! – сообщила мне кошка. – Жалко, да ты посмотри, какой парень. Я помру, и что с ним станет?» И кошка настойчиво повела меня в его спальню.

Надо же, насколько хорошо я понимаю французский.

Вечером, пока принца не было дома, я взяла гитару и стала сочинять песню. Расчертила листок и написала ноты. Если не запишу, забуду. Не то чтобы у меня прекрасно с нотной грамотой: в делении на такты, с бекарами и с обозначением длительностей я точно запутаюсь. Играю на инструментах плохо, пою того хуже, но кое-как записать могу. И я решила спросить совета у принца.

Принц взглянул на листок и сказал:

– Для меня это как китайская грамота.

– Ты же музыкант!

– Но я не знаю нот, – застенчиво сказал принц и направился в мою спальню.

Правду говорят рок-музыканты: ничто так не пробуждает интерес противоположного пола, как парень с гитарой.

Потом мы с принцем поругались. Потом помирились. Потом он помыл за мной посуду, потому что я забыла. Потом я за ним по той же причине. В состоянии конфликта и не разговаривая мы организованно помыли посуду вместе. Все время он продолжал варить с утра кофе. Ели мы врозь, но кофе продолжали пить вместе. Нам еще и нравилась одна и та же чашка.

Потом мы опять поругались.

– Ты слишком громко слушаешь музыку! – возмутился принц. – Я сам музыкант, но в доме тонкие стены!

– Я ничего не могу сделать с твоими стенами.

– Кошка не должна спать у тебя! Я не разрешаю ей заходить в эту спальню.

– А ты не думаешь, что за кошкой иногда надо убирать?

– Ты... роняешь вещи! Я слышу, как что-то падает.

Как раз в этот момент кошка что-то опрокинула на кухне. Принц сердито посмотрел на меня и промолчал.

– А ты не слышишь, как у тебя под ухом гремит холодильник. Он все время работает. Холодильник должен включаться и выключаться, иначе сгорит компрессор.

– Хорошо, я куплю тебе новый холодильник, – ехидно сообщил принц.

– У тебя так много денег?

Принц фыркнул и на следующий день привел подружку. Юную, ярко накрашенную и вполне себе эмансипированную. Девушка громко болтала, смеялась и курила. Принц страдал. Робко поддакивал, и страдал, потому что бросал курить, а очень хотелось. Ему не нравилось пыхать из вайпера.

Потом мы помирились. Буднично пересеклись утром на кухне.

– Знаешь, я починила тебе холодильник.

– А... я не мог понять, почему стало тихо. Я стал очень нервный. Плохо сплю. Почти не сплю. Наверное, потому что пью много кофе. У нас скоро концерт на пляс Пигаль, надо готовиться.

– Да, ты нервничаешь. Дай хоть послушать, что получилось.

– Нет-нет, я пишу такую необычную музыку...

Накануне концерта принц сообщил упавшим голосом:

– Все плохо. Иногда мне хочется выпрыгнуть из окна.

– Ты не разобьешься. Третий этаж.

– Я неудачник. Я рассеянный. Иногда забываю ключи в замочной скважине.

Не переживай, дорогой, я уже познакомилась с твоим соседом, потому что пыталась твоим ключом открыть дверь его квартиры. Было бы еще хуже, если бы сосед оставил тебе свои ключи, как это часто делают холостяки.

И я тоже могу забыть ключи в замочной скважине. Я могу забыть запереть дверь. Не в этом счастье.

– Ты молодой, красивый, ты музыкант и у тебя большая квартира. У тебя есть все. Наслаждайся жизнью!

– Правда? – принц простодушно обрадовался.

– Правда, ты очень привлекательный.

– Да...

– Иди репетировать.

Я знала, почему принц не может читать ноты. У него дислексия. У нас дислексию традиционно лечили ремнем, поэтому читать и писать в стране умеют все поголовно. Во Франции предпочитают выписывать рецепты на специальные очки. Принц стесняется очков. Он комплексует оттого, что не может правильно написать фразу, не напутав где-нибудь с буквами. Хуже, конечно, когда он переставляет местами цифры. Очки не очень помогают ни в коммуникации, ни в оплате счетов.

Кошка права: у принца много проблем. Главная в том, что он пока не признан. Непризнанный гений-невротик. Но при всей своей депрессии ему приятно слышать, что он красивый.

Мы прожили смешную маленькую, но насыщенную событиями, совместную жизнь и разошлись.

– Рад, что я уезжаю?

– Нет, что ты! – прозвучало с искренней обидой.

– Спасибо, что не рад.

– Береги себя.

– Ты тоже.

Может, всему виной наш несчастный английский?

И тут я вспомнила старого приятеля. Популярного диджея. Лет двадцать назад надо было фотографироваться на рекламные календари, и приятель страшно перепугался:

– Зачем? Кому это нужно? Я в эфире весь из себя плейбой, нордический блондин, можно сказать, а увидят меня девушки, такого как есть, так и в эфир звонить перестанут!

– А без эфира они тебе не звонят?

– Ну... как-то не до того...

– И что до того?

– Много разного. У матери скоро юбилей, надо ей шубу купить. Она давно хотела шубу, а денег не было.

– Норковую?

– Из козлика...

Все успешные диджеи хорошо научились скрывать свою подлинную личность.

Вскоре он ушел из эфира. Уехал, наверное, в Москву. Все рано или поздно уезжают в Москву. Там шубы давно не нужны: снег перестал выпадать.

К чему я все это рассказываю? На днях смотрю по телевизору интервью с известным продюсером. У человека все состоялось. Все, в чем были несостоятельны мои предыдущие герои. Даже какую-то музыкальную премию от балды получил. Дали прослушать отрывок опуса, ерунда, но с усложненной претензией.

– Чувствую себя так, будто жизнь прошла мимо, – признался вдруг продюсер. – Я мечтал написать книгу...

Почему-то этот умный, ухоженный, пробивной, заагрессированный под завязку человек чувствовал себя неловко. Он лгал. Он не хотел написать книгу. Он просто не мог сказать правду.

Как будто любой продюсер может не врать и при этом не оказаться за решеткой, как Харви Вайнштейн.

Я подумала, как жестоко заставлять кого-либо играть не свою роль. Принц-бармен по крайней мере варил кофе по утрам. Настроил инструменты. Весна, Париж, Мона Лиза, Боб Марли опять-таки... Подал стакан воды, когда это было необходимо. Я мало пью воду, но попробуйте за день профигачить пять городов автобусами, самолетом и метро.

Были у меня знакомые аниматоры, арабы. Еще та троица затейников. Мы с ними чудно подыграли друг другу, изображая флирт. Перед моим отъездом D. – аниматор по жизни обозначен не именем, а каким-нибудь ником – напялил парик, стал на стул и талантливо перездразнивал девушку, которой признаются в любви, а она ухаживания отвергает. В парике он был похож на меня. Его товарищ изображал незадачливого ухажера и исполнял No woman no cry. Небездарно. Я смеялась до слез.

Опять-таки, пальмы, коралловые рифы, яхты, четырехзвездочный отель, теплый вечер. Прощальный концерт нам подарила авиакомпания, задержав вылет на несколько часов. О переносе рейса пассажирам сообщили утром. Администрация отеля позволила остаться до вечера. На пляже встретились с D., сообщили новость.

– Вы придете на представление? – обрадовался он.

– Как будто у нас есть выбор, – ответила я.

Ну и получай фашист гранату.

Эх, наш несчастный английский!

На тех давних фотографиях я похожа на Сару Пейлин. Сейчас мало кто помнит, кто такая Сара Пейлин, но все рано или поздно оказываются знаменитыми на пять минут.

Боб Марли остался знаменитым гораздо дольше. Никогда не собиралась его переводить. Если бы не производственная необходимость. Не дефицит мужского достоинства.

Был у меня кот Чича. Мелкий, но мог перекричать и подрать окрестных котов. Ему тоже доставалось. Разорванное ухо и шрамы на голове он носил с гордостью. Попахивало от него дымком. По-грузински такой характер называют «кинто». Наш кинто был еще и итальянец, судя по имени. Подружку он завел в несовершеннолетнем для кота возрасте. Однажды я наблюдала, как кот учил соседского пса лазить по деревьям. Стремительно заскакивал на ствол, поднимался метра на два и прыгал вниз. Пес бегал вокруг дерева, подскакивал и вилял хвостом. Как-то даже виновато вилял: сам, мол, понимаешь... На пару у них получалось только гонять голубей – заходили на стаю с разных сторон. Надо было только дожидаться, чтобы голубям посыпали остатки хлеба сердобольные соседи.

Нечасто увидишь такую мужскую дружбу. Кот прожил мало и погиб героически. Уличные бойцы долго не живут. Пес тоже погиб – от укуса клеща.

Нечасто в жизни вообще попадают мужчины. Вымирающий вид. Жаль.

Юноша из супермаркета намекает, что пора, мол, пора сделать и его персонажем какого-нибудь рассказа. К едреной фене увековечить его цветущий румянец. Хожу в другой магазин.

Вот ведь, господа хорошие, как происходит демографическая катастрофа. Девушки влюбляются в артистов-невротиков, скандальные артисты требуют, чтобы девушка была не старше шестнадцати, а продюсеры, пользуясь плохим зрением артистов, подсовывают им что попало. Иначе уголовное дело.

Продюсер вряд ли напишет книгу.

А я думаю, о чем еще писать, если все давно написано? Одному судьба французский принц, другому приبلудный кот, третьему рекламный буклет. Кота жалко. Принца не очень. Буклет не годится даже на растопку печи.

Ладно, книга будет про любовь.

День 2-й. Портрет

Рассказ Менеджера по рекламе, написанный при участии Помощника Старика

Вечер Аристиды начинался в разное время. В ноябре он был ранним, выматывающим душу дождями и ветром; в мае сумерки проходили легко и незаметно.

Аристид любил определенность. День мог быть унылым или ночь бессонной, однако все искупала точность этих понятий. Зимой он любил за белый снег, лето за изобилие листьев, цветов и ягод, весну за щедрость обещаний, которые не сбылись; осень всегда была страшной. Студенты шли на занятия, пенсионеры ведрами везли яблоки, девки готовились к свадьбам, сытые, вернувшиеся из отпусков работники строили планы; у Аристиды лишь искра медленно гасла внутри. Вечер длился бесконечно.

Художник был одинок. Как это случилось, и почему это часто происходит с неплохими людьми, Аристид объяснить не мог. Смутное воспоминание о ком-то постороннем рядом, о высокой женщине с младенцем, подтверждали вещи, завалившиеся в шкаф; однажды он собрался с духом и выбросил все. В первый момент Аристид почувствовал облегчение, расправил плечи, затем стало еще тоскливее. Женщина жила далеко, в другом городе, с неинтересным типом по фамилии Вирхов, а может, уже и с другим, кряхтящий младенец давно вырос, но для него они остались прежними. Художник боялся тревожить сон памяти. Пусть бы женщина и младенец попали в аварию, разбились вместе с самолетом, они все равно больше не существуют, думал он сначала, мстительно и зло, а потом все реже и реже. Заходили другие, доны Анны, попутчицы на долгой дороге, были разговоры, был чай с бутербродами, были розы и левкой, был даже фикус. Уходили. Не обманывал безнадегой один вечер.

Раньше он грезил, как грезит всякий интеллигент, что вот-вот – и в дверь постучится черный человек, чтобы заказать рекем, и тогда он всем покажет. Да! Его рекем сразит скептиков с первого взгляда. Или – как тяжело пожать каменной его десницы! – явится командор, хотя доны Анны след давно простыл; синедрион выберет из сотен тысяч непременно его, чтобы распнуть за идею, или в критический момент цивилизации ему даны будут искусно склеенные крылья, на которых он сиганет вверх раз и навсегда.

Молодость прошла. Идея не родилась. В дверь никто не постучался.

Аристид рисовал шкафчики, козырьки, раскладку для плитки, рекламные проспекты; заказчики не требовали большего. Им было не до рекема. Все в этом городе собирались жить долго и благополучно.

Снова прошло изобилие, прошли дожди, вечер начинался раньше. Наступил ноябрь. Потом декабрь.

Напившись кофе без кофеина, Аристид уснул за компьютерным пасьянсом.

Назавтра случилось чудо.

– Вещь! Твоя в ажуре, Алексеич. Как договаривались, – широко улыбаясь, сосед-сварщик совал ему в руки громоздкий и не однажды чиненный велосипед.

– Мне не надо, – попробовал отмахнуться Аристид.

– Почему не надо? Тоже дизайн. Три скорости.

– Сам отчего не едешь?

– Некогда ездить. Разъел булки так, что яйца жмут, – сказал сосед. – А ты у нас сокол молодой.

– Сыну отдай.

– У сына хонда.

Аристид содрогнулся. По его прикидкам, белобрысому золотушному мальчонке должно быть не больше двенадцати. Какой черт дернул тогда за язык – а хорошо бы велик? Как в детстве, велик, саночки, коньки, катись с ветерком и большего счастья не надо. Ведь где-то на просторах большой страны можно сойти на станции Счастье? Не про нашу жизнь, согласился сосед и помрачнел.

Выкинуть подарок сразу было неудобно. Драндулет утвердился в коридоре, и в первую же ночь рухнул с грохотом, когда Аристид наткнулся на него по пути в уборную. Художник твердо решил в ближайшие выходные откатить его за город на свалку. Не в его привычках было предлагать хлам знакомым. И незнакомым тоже.

В выходные пошел мокрый снег. Нормальный декабрьский снег. Велосипед грозил застрять надолго.

Недавно Аристид со скуки прочитал советы восточного мудреца, который разъяснял, почему необходимо избавляться от старых вещей, накопивших негатив, почему нельзя покупать лишние, и ни в коем случае не принимать чужие, чтобы не подцепить карму предыдущего владельца; исключение, впрочем, допускалось, если вас что-то интуитивно привлекло, значит в этом лишнем или старом возникла необходимость. Не всегда хозяин выбирает вещь, утверждал мудрец, если человек болен и слаб, вещь может сама выбрать его, и сама покинет в свой срок. Секрет в том, что этот предмет станет для вас незаметным, попадет в некий дальний ящик, но будет вершить свою работу, заполняя часть вашего пространства, а, следовательно, оттягивая вашу энергию. Если негативной энергии много, это пойдет вам на пользу, но предмет будет ей отравлен и его следует сжечь. Нельзя обзаводиться одновременно большим количеством новых вещей, потому что они скорее сговорятся против хозяина и превратят его в сторожа склада, нежели начнут ему служить; угрозу, исходящую от лишней рубашки, не стоит преувеличивать, а вот каждая электронная игрушка, каждая книга, диск, цветок в горшке или культовый предмет, особенно не из вашей религии, поселяются в вашем доме как некие самостоятельные единицы, изменяющие жизнь владельца.

Аристид был скептиком. Он сам произвел много вещей, которые заполняли чужие пространства, и мог гордиться по крайней мере тем, что их форма была пропорциональной. Нужны ли в шкафу черные ящики и лишние вещи? Наверное нужны, думал художник, они есть у всех. Личность без черного ящика должна быть или совершенно пустой, или святой, большинство просто хочет оставаться нормальными. Со своим алтарем безделушек. Голый, без прикрас, натурщик похож на винтик, тужащийся принять позу мыслителя. Его всех жальче – а пока на виду у всех, поди разбери, насколько подлый характер. Очевидное скрывает многое, но как ни крути, человек любой формы выглядит гармоничнее встроенной кухни.

Аристид грустно усмехнулся, вспоминая советы, споткнулся о велосипед, ругнулся словочью, потер колено и пошел на кухню пить кофе. Без кофеина. Тоже подарок с намеком. Много ли ему нужно, без черного-то ящика?

Кофе отдавал жженой резиной. Придется пить, подарили же. Дорогой, а такая дрянь. Он покупал сорт дешевле и вкуснее. Да ладно, на всех сказывается сила привычки, кофе как кофе в самом деле, о другом речь.

Женщина, ушедшая к типу по фамилии Вирхов, плакала, открывая свой ящик, затем стискивала зубы и издевалась за то, что позволила ему, пустому, заглянуть внутрь; младенец уже вынашивал свой ящик, по мамочкиному образцу, мстительно вопил и гадил, когда он брал его на руки; доны Анны пугливо захлопывали свой, иной заказчик грохотал целым комодом, иной тихонько скрипел своей тайной; а знаете ли, мерзко видеть вас насквозь и чувствовать себя прозрачным.

Да, всем нужен черный ящик.

Аристид пил кофе и думал о том, что велосипед никак не может стать незаметным в маленькой квартире.

Велосипед стал незаметным. Мудрец оказался прав. Через неделю художник перестал наткаться на драндулет и перестал замечать. Ненужная вещь заняла часть пространства и принялась творить свое темное дело.

События завертелись с лихорадочной быстротой. Заказов перед новым годом привалило как никогда, после праздников начались придирки, от некоторых работ отказались, неслыханное дело, к весне наступил мертвый штиль, всему офису казалось, что это начало конца.

Аристид, привыкший беспрепятственно обходить велосипедный угол, споткнулся, прозрел и вспомнил, что собирался выкинуть вещь, и о весне давно уже сигнализируют синие гадючьи первоцветы.

Сориентировавшись по карте, как доехать до свалки, он выволок драндулет, вскочил в седло и неожиданно легко покатыл вперед. Великолепно! Удалось! Переключив на третью скорость, Аристид усомнился в своем решении, но, поколебавшись, не стал бросать начинание на полдороге. С возрастом педантизм брал верх, и он больше не доверял ни ветерку, ни радости – какое лишнее чувство радость, если оно противоречит намеченным планам, а планы придумывать и осуществлять все труднее; не доверял былой ловкости и силе старой привычки, потому что они стали такими же бесполезными, как соседский подарок.

Аристид успел состариться внутри раньше, чем внешне. Есть такое свойство у мужчин сдержанных и меланхоличных, избежавших страстей и порывов, дурных привычек, роскоши и эпикурейства, не тщеславных, не мятежных, скопцов, которые так и родились скопцами; природа словно консервирует их для финального рывка, для второй молодости, но рывка не случается, и в один прекрасный день они моментально дряхлеют и рассыпаются.

Жилка в Аристиде перегорела, пока он ждал свои крылья. На свой особый лад он стал мудрым. Странно бесстрашным. Будущее его не тревожило, сердце молчало, он был немногословен, пожалуй, вы сочли бы его добрым.

Какая ирония судьбы! Какая метафора: Икар летел по городу на третьей скорости, но летел на свалку.

Сманеврировать, чтобы обогнуть наваленные на тротуар обрубки деревьев, Аристид не успел, велосипед вынесло боком, он жалко звякнул и завалился. Выпавший седок пропахал по асфальту метра два и угодил под ноги шедшей навстречу девушке.

– Вы не разбились?

– Хорошо бы.

– Давайте, помогу подняться.

– Спасибо, сам, – Аристид кривобоко встал, отряхиваясь, и выдавил улыбку. – Сейчас вы начнете думать, что я нарочно.

– Что вы! Я все видела. Вы просто увлеклись.

– И разогнался, как старый дурак.

– Разве старый? Да вы джинсы порвали.

– Ничего, сейчас так модно.

Аристид шагнул и пошатнулся. Девушка не сдержала улыбки:

- Нет, все-таки я вам помогу. И велосипед...
- Барахло это, а не велосипед. Вез, чтобы выкинуть.
- Везли?
- Ну да, верхом вез – как вещей Олег коня. Так удобнее.

Аристид оперся на руку девушки. Мимо с гоготом пронеслась группка подростков: «Два стражка и велик пиндосный!»

- Не обращайтесь внимания. Они глупые.
- Я не обращаю.
- Гормоны прут. Вырастут, сопьются. Будут чинить унитаза. Мешки с картошкой грузить.

– Знаете что? За город вы сейчас точно не поедете. А если ваш транспорт все равно выбрасывать, занесем в ближайший двор и оставим у мусорных баков.

– Согласен. Все, все, отпустите хлам, сам потащу. Если очень хотите, продолжайте держать меня. Но я тоже тяжелый. Как вас звать-величать?

– Маша.

– Мария! Красивое имя. И вы красивая. Кто будет говорить другое, меня зовите, морду набыю.

Девушка улыбнулась:

- Не похоже – морды бить не ваш стиль.
- Откуда вы знаете? Может, я известный футбольный тренер?

Они катили добитый велосипед, болтая ни о чем, как если бы давно были знакомы; весна снова дарила обещания, разбитое колено саднило, но Аристиду было легко на душе и хотелось петь, он не замечал, что девушка не очень молода, потому что сам был не молод. Впереди было много солнечных дней, открывалась новая страница, что еще?

Объявились заказчики. Фирма восстала из пепла.

Зазеленела трава, расцвели груши-дички и вишни; Аристид и Мария любовались цветущими деревьями, как принято у японцев; ели мороженое, катались на чертовом колесе, фотографировали всякую ерунду, сидели в кафе, ходили в кино... Они собирались купить велосипеды, чтобы вместе ездить на далекие прогулки, купаться на карьер, и в лес за ягодами, потому что никто никогда не собирает землянику на велосипедах, но они были уверены, что получится.

Аристид достал забытый мольберт; его приятно поразили твердость линии и точность, в отличие от юношеских работ, появились глубина и тайна. Он отнес пару картин в офис, их хвалили и забрали с благодарностью. Его пригласили на новоселье с шумной вечеринкой, где все напились, прыгали в бассейн и плясали до упаду; выброшены были остатки кофе без кофеина, выброшен продавленный диван, на котором он скоротал столько вечеров с другом-телевизором.

Новое, долго воображаемое, не постучалось в дверь, а ворвалось вихрем.

Теперь Аристид недоумевал, почему бездарно потерял столько времени, ему претила прежняя немощь, и плата за приобретенную мудрость казалась слишком высокой. Терпение и душевное равновесие, к которому он долго шел, профессиональная репутация, аскетичный холостяцкий уют – вся система ценностей трещала по швам. Отбросив старый велик, как подаренные нелепые крылья, он парил на ниоткуда выросших своих.

Он отмахнулся от мысли, что огонь ярко вспыхивает перед тем как погаснуть.

Он сразу задумал писать портрет Марии, и отчего-то медлил. Маша под вишнями, Маша в кафе, Маша в домашнем халате, Маша вешает полотенце, Маша спит, Маша читает книгу, нет, не то. Однажды в сумерках, столь нелюбимых и, к счастью, сейчас коротких, он несколькими резкими штрихами набросал лицо грустной усталой женщины и утром не мог поверить, что это и есть Маша.

Подкрался к зеркалу, заглянул сбоку и вздрогнул, поймав отражение в непривычном ракурсе. Двойник был незнакомцем: встревоженный, худой, бодрый, с горящим взглядом, способный не спать три ночи подряд.

Снова подошел к портрету. Он знал эту женщину.

Аристид не мог простить себе предательства.

Художник победил мечтателя. Новый мир наискось пересекла трещина.

Аристид не пошел на работу и выключил телефоны. Он смотрел на страшный портрет, вскакивал, метался по комнате, возвращался к холсту; брал кисть и опускал руку. Он видел, как меняется выражение лица нарисованной женщины, как она кривит рот, какое отвращение в этой гримасе, как она складывает губы для поцелуя, как прилагает все усилия, чтобы казаться миленькой, но чем больше старается, тем больше походит на потасканную кокотку из прошлого века, и понимал, что сходит с ума. Схватив нож, он стал бить по портрету куда попало, пока не изорвал в клочья. Обессиленный, он упал на пол перед мольбертом и разрыдался.

Миновал час или два. Капающий кран на кухне монотонно отсчитывал секунды. Аристид поднялся и натянул новый холст с намерением рассказать всю правду о себе. Всю ненависть, все отчаяние от пусто прожитых лет, всю боль, весь стыд и весь холод одиночества – вот что должен был выразить портрет незнакомца, встреченного в зеркале.

Аристид работал точно, расчетливо, не тратя лишних движений и не делая неверных мазков; когда картина была готова, он отошел на несколько шагов, покачал головой, не удовлетворенный результатом. Что-то оставалось неправильным. Что именно, художник не понимал. Впервые за два месяца он почувствовал усталость.

«Надо прилечь, – думал он, – завтра все будет иначе. Завтра будет особенный день. Я должен проснуться другим, сильным, здоровым, тогда начнется настоящее».

Когда Мария нашла Аристида, на его лице застыло выражение покоя и счастья. Он снова был молод и полон нерастраченных желаний, для осуществления которых не хватило бы одной жизни. Коснувшись губами лба, она тихо сказала:

– Твой рекем завершён. Лучшего ты не мог сочинить. А я... я заберу портрет, который больше никому не нужен.

С холста на мир смотрела совершенная Мария. Сходство было поразительным.

Маша земная завернула картину в газету, перевязала, оставила ключ у зеркала и, приотворив дверь, ушла. На улице ей казалось, что все обращают на нее внимание, и как никогда хотелось стать маленькой и незаметной.

Примечание помощника Старика:

Отдавая дань романтической традиции, автор использует клише, характерные для жанрового рассказа начала прошлого века («Графиня побледнела»). По этой причине рассказ продвигался туго. Автор не знает, почему назвал героя Аристом (честный, безупречный), возможно, это скрытая аллюзия на А. Афинского, Мл. (ок. 540 – ок. 467 до н. э.); как вариант было имя Каллистрат.

Трудно найти что-то более типичное, чем тема «Художник и его творение», или заголовков «Портрет». Автор и не пытался быть оригинальным.

День 3-й. Капсула времени

Рассказ молодых французов о посещении музея с эпитафией, который подсказал Старик

Жить – редчайшее в мире явление. Большинство людей просто существуют.

Оскар Уайльд

– Никто из участников эксперимента не оспаривал, что изобретение капсулы стало величайшим прорывом науки. В XX веке человек разбил атом и завоевал небо и космос, в XXI ему удалось покорить время. Мы заставили служить нашим потребностям своего злейшего врага – объективную реальность. Пространство и время перестали ограничивать нашу свободу. Первым практически подтвердил теорию Эйнштейна – время относительно, потому что зависит от скорости перемещения объекта в пространстве – американский физик Говард Нэт Микельсон. За создание капсулы времени ему была присуждена Нобелевская премия. Премия стала последней в этой номинации: комитет решил, что равного по значимости открытия уже не будет. Триумф физики одновременно стал пределом ее возможностей. Мир перестал быть предметом наблюдения, исследования и описания, инструменты и механизмы, обеспечивавшие нам более-менее комфортные условия проживания, канули в прошлое. Микельсон остановил время в планетарном масштабе. Земля продолжает вращаться, организмы рождаются, растут, стареют и умирают, этого мы изменить не в силах. Но день, можете быть уверены, наступает всегда один и тот же. Это оптимальный расчетный день. Для расчетов были использованы такие параметры как минимальное количество бедствий и конфликтов, наиболее благоприятные социальные условия, умеренная погода и высокий индекс индивидуального счастья. Человек остается смертным, и его персональные часы продолжают тикать, к сожалению, этого не избежать. Но мы можем быть уверены, что никогда не наступит глобальная катастрофа или перенаселение планеты, человечество не вымрет от эпидемии, и уровень невозобновляемых природных ресурсов по сравнению с расчетным днем не уменьшится.

– Можно задать вопрос?

Опять этот выскочка Рассел! Клер подавила зевок и сделала вид, что внимательно слушает. Экскурсия затянулась. Дотошная мадам Жувер, или Этэ-Ивэр, снег летом выпал, как ее называли лицеисты, не закончит, пока не расскажет про каждый экспонат в политехе. Мальчишкам, может, и были интересны макеты автоматической линии метро Монреаля или самонаводящегося моста через ущелье в Перуанских Андах (изобретение скорее эффективное, чем коммерчески успешное: на площадке на краю пропасти водитель бросает монеты в автомат, для грузовика надо бросить больше, чем для легковушки, мост появляется, водитель пересекает ущелье, проезжает через второй автомат, который еще раз фиксирует авто – и мост исчезает. Все гениальное просто. Секрет в том, что мост сделан не из твердой материи, а особой формы энергии. Именно этот макет школьники чаще всего ломают, поскольку в музее мост включается бесплатно. Данных о том, сколько раз ломался реальный энергетический мост, нет), но Клер Бувиль но была вполне взрослой девушкой, чтобы тратить свои драгоценные часы и минуты – ох уж это время, которое в индивидуальном измерении никто не отменял! – на осмотр предметов, символизирующих технический прогресс.

– Да, Рассел, мы тебя слушаем.

– Разве не противоречие, что человечество, живя одним днем, продолжает пользоваться календарем?

– Нет. Календарь нам нужен, чтобы делить время на условные отрезки и планировать будущее. Личное будущее.

– Но какое это имеет значение, если мое личное будущее ничего не меняет в общей картине мира?

Вообще этот Рассел, Рассел Брайант, полушотландец или полуирландец, чья породистая мамаша-невротичка покончила с собой, когда ему было шесть лет, был ничего. Маловат ростом, заучка, но не компьютерный задрот и не будущий финансист, таких видно еще в средней школе. Рассел был красив. Клер добавляла эпитеты – трагически красив. Мужественно красив. Офигенно сексуален. Целоваться с ним хочется до боли в зубах. Хотя нет, можно без боли. Прижиматься по-взрослому. В фантазиях Клер Рассел стоял у нее за спиной, нежно

щекотал губами шею и ласкал ее грудь. Она таяла от блаженства. Дальше объятий фантазии Клер не шли – как и глобальное время, застывшее в идеальном расчетном дне, они застыли в некой воображаемой точке. Клер хотелось нежности. Но не секса и не длительных отношений. Секс показался ей скучным и доставил удовольствия меньше, чем молочный коктейль, а отношения, на которые она насмотрелась, были полны скандалов и больше похожи на ненависть, чем на любовь. Бурное примирение, обнимашки напоказ и что-то стыдно-виноватое в том как от тебя спешат избавиться, хотя ты не настаиваешь на своем присутствии. Нет уж, спасибо, научены на чужих ошибках. Сейчас Клер хотелось романтической неопределенности. Тепла и красивой картинки из окна, в которое она будет смотреть, пока Рассел подкрадывается к ней сзади... Нет, неподходящее слово – подкрадывается, он же не хочет ничего украсть. Он должен тихо и медленно приближаться, и действие должно замедляться, пока не затормозит на мгновении объятия. Почти невинного. Мгновение будет длиться, длиться... Она закрыла глаза и погрузилась в свои грезы.

– Меняет, Рассел, и еще как, – мадам Жувер строго взглянула поверх очков. – Твоя личность и есть тот мир, в котором ты будешь существовать. Каждый из нас не просто факт в абстрактном времени и пространстве. Или абстрактном мире. Твоя личность и твой мир реальны. Тебе придется с ними жить.

– Объективный мир тоже конкретный. В нем есть страны, президенты, корпорации, банки...

– И тебе ничто не мешает жить в стране и стать президентом или главой корпорации, верно?

– Да.

– Тогда в чем проблема? В том, что ни ты, ни кто-либо другой не сможет уничтожить мир, даже если захочет? Потому что мир всегда будет возвращаться в исходную точку равновесия.

– Нет, я не это хотел сказать. Я...

– Задолбал ты уже, Брайант, – шепотом просвистел Дидье, – Я в музее ночевать не собираюсь.

– Ты абсолютно свободен в выборе личного будущего, но никто не волен изменить единый расчетный день, – победоносно закончила мадам Жувер. – Мадемуазель Бувиль, вы спите?

– Простите, мадам, я задумалась.

– Об особенностях новой коллекции сумок или эмансипации сумчатых аборигенок?

– Почти. Если всегда один и тот же день, зачем вообще планировать будущее?

– Еще одна задвинутая, – пробурчал Дидье.

Мадам Жувер вздохнула:

– Хочешь сказать, у тебя нет амбиций, тебе все равно, как прожить жизнь, потому что получится само собой?

– Да, само собой. Проживется как у всех. И всегда будет как сегодня.

– Но тебе придется зарабатывать деньги, чтобы где-то жить, что-то есть и покупать одежду. Может, ты надеешься стать топ-моделью или ограбить банк?

– Нет, мадам, я настолько глупа, хотя и учусь в лицее, что готова стать кассиршей в супермаркете, – Клер разобрало зло, – и если это будет настолько гадко и невыносимо, я загребу кассу, просажу деньги в Монте-Карло, наглотаюсь таблеток и...

– Сорри, я была плохая проститутка, и идите все в жопу! – почти в голос высказал Дидье.

– Тихо, класс! Вы устали, но на сегодня немного осталось. Будем уважать друг друга. В основе капсулы, которую изобрел Говард Нэт Микельсон, лежит принцип относительности...

Капсула времени была небольшой кабинкой из прозрачного пластика. Внутри, на подставке вроде пюпитра, находился экран с панелью управления. Экран был выключен, и дверь в кабинку заблокирована. Представленный образец, как сообщалось на информационной табличке, был первой моделью капсулы, в конструкции присутствовали отдельные недоработки.

Например, нельзя было произвольно путешествовать во времени или моделировать реальность. Правда, и в современной модели для путешествий требуется специальный допуск, а опция моделирования доступна только президентам и главам корпораций, только по утвержденным расчетам и под контролем военных. Но представление об относительности и сущности времени капсула давала.

Что было не так с этой сущностью и относительностью, Клер не поняла. Она думала о своем. Мать давно развелась с отцом, любовник матери заделал ребенка старшей сестре Клер и сидел на наркоте, мать привела другого ухажера, который пробовал склеить Клер, но та его отшила, и вся компания не-поймешь-кто-кому-родственник размещалась в одной, пусть и большой квартире. Отец перебрался в Канаду и завел новый очаг, но связи с дочками не терял и отчислял алименты. Достаточно неплохие, чтобы мать и сестра не работали. Если все это и есть идеальный расчетный день, и ничего никогда не изменится, думала Клер, зачем вообще жить? Какое прекрасное на фиг будущее я могу потерять, если никакое другое невозможно?

Мадам Жувер говорит о свободе личного выбора. Не она одна. Общественная аксиома гласит: для человека открыты все возможности, человек творит, человек может не беспокоиться о черном дне, человек счастлив. Но, возможно, усредненный индекс счастья был величиной того же типа, что и средняя зарплата по стране или среднее время ожидания в пробках, и в общий расчетный день пробка на пути Клер оказалась самой длинной, а индекс счастья самым коротким. Умом девушка еще могла принять аксиому. Интуиция же подсказывала, что миллионеры не обанкротятся, бедняки не выберутся из трущоб, персоны паблик медиа, меняя лица, не изменят характеров, и приживальщик-наркуша в их семье скорее умрет, чем прекратит ширяться, потому что его индекс счастья застыл в этой точке. Человеку вроде как изначально предлагают неограниченный выбор, но как только он выбирает, как только делает ставку, он проигрывает, крупье загребает фишки, и все возможности исчезают. Исчезает даже лучший вариант развития событий, который мог бы получиться при удачном выборе. Удивительно. Хранителя мирового равновесия – что ни делай, останешься при своем – раньше звали бог, а теперь его зовут Микельсон. Говард Нэт Микельсон.

Клер медлила делать ставку в глобальной игре. Она была уверена, что ошибется, и готова была отдать свое право выбора другому. Первому встречному. Хотя бы Расселу. Хотя бы за застывшее мгновение придуманной нежности.

– Эй! Клер, стой!

Да, это он, парень ее мечты. Урок окончен. Класс направляется к выходу, и Клер машинально следует со всеми. Или чуть быстрее всех. Ей не терпится вырваться на улицу и расправить крылья. Этот затянувшийся урок, эта сушеная треска мадам Жувер, эти мертвые механизмы навели тоску... Но у нее все получится! Рассел сам ищет сближения с ней. Жизнь, ты чудо! Клер обернулась и улыбнулась.

– Послушай, ты сказала насчет кассы и таблеток, не надо так делать. Обещай мне, что никогда так не сделаешь.

Какой он все-таки хорошенький, этот полуирландец. Но он не влюблен. Он печален и спокоен. Так не притворяются.

– Подожди минутку, окей? Мне надо в туалет.

Клер долго смотрит на себя в зеркало. Моет руки, срывает несколько бумажных салфеток, намачивает и мокрым комком вытирает разгоряченное лицо.

– Какая я дура, – говорит Клер, решительно бросает комок в мусорку и выходит.

Она чувствует себя полководцем, готовым вести в бой войска, но ее уверенность исчезает по мере приближения к Расселу.

– Спасибо, что дождался. Хреновый у меня сегодня день.

– Я понял. Хочешь, я набью морду этому дебилу?

– Что ты! Он того не стоит.

- У тебя с ним что-то было?
- Не так чтобы очень... Он просто debil.
- Да. Но я серьезно. Не бросайся словами, Клер. Обещай, что не сделаешь того, о чем говорила.
- Не сделаю. Ограбить кассу, уехать в Монте-Карло... смешно. Или проще туда улететь?
- Проще улететь.
- Тогда надо купить билет заранее и забронировать отель, а потом уже брать кассу.
- Ты невозможна!
- Пытаюсь сразить тебя своим интеллектом. Больше рассчитывать не на что, правда?
- О, считай, сразила. Вообще ты очень хорошенькая.
- Но я не в твоём вкусе.
- Почему ты так решила?
- Ты до сих пор не проявлял ко мне интереса, хотя мы уже два месяца вместе ходим на одни и те же лекции и встречаемся каждый день. Ты даже не здороваешься.
- Я не хотел навязываться.
- Ладно. Принято. Будем друзьями.
- Да.
- Если хочешь, можем даже молчать как друзья. И здороваться необязательно.
- Молчать тоже необязательно, хотя я в растерянности, что сказать. Я не ожидал, что у тебя могут быть тяжелые мысли.
- Я кажусь тебе счастливым человеком?
- Девушкой, уверенной в себе. Сильной. Мне казалось, что вокруг тебя всегда вьется масса парней.
- Это точно. Я сильная, и меня кто-то всегда пытается... поиметь.
- Поиметь? Какое слово! В каком смысле?
- Не знаю, где границы твоей лингвистической терпимости, и что ты подумаешь, если я буду называть вещи своими именами.
- Постараюсь не заткнуть уши.
- Ты очень добр. Затащить меня в койку обычно хотят папики. За мороженко-пироженко. Типа девочке нужны развивающие упражнения, новый опыт, пятое-десятое, без обязательств. А сверстники и типа того, меня хотят развести на деньги. Или чтобы я написала за кого-то курсовую. Или просто кому-то стирала вонючие носки.
- Жестко. Только ты все это придумала.
- Может быть, и придумала.
- Ну тогда гаденько.
- Гаденько быть сильной. Хуже, чем просто родиться женщиной.
- Женщиной быть не плохо.
- А ты пробовал?
- Не так, чтобы очень.
- Мда, когда живешь одним днем, все надо попробовать. Ведь ничего не изменится.
- Нет, наоборот, все меняется в нас самих в зависимости от того, что пробуешь.
- Это пустые слова.
- Знаешь, давным-давно я подсмотрел будущее. Это вышло случайно. Я скучал по матери, когда она умерла. А в капсуле времени, вроде той, что мы видели в музее, можно оживить прошлое. Встретиться с теми, кого любишь. Эта услуга стоит недешево, и тогда, десять лет назад, очередь была большая, потому что капсул было мало. Но отец все-таки нас записал. В назначенную дату мы приехали в технопарк и получили свой пятиминутный сеанс связи. Мы заказывали встречу с матерью и ждали несколько недель, но вместо прошлого нам показали будущее. Они ошиблись на пятьдесят лет! Отца в том будущем уже не было, он расстроился, а

я... лучше не буду говорить, тебе не понравится. Я испугался сам себя. И тебе таким я точно не понравлюсь.

– Это ужасно. И вы больше не пытались?

– Отец предпочитает не знать, когда уйдет. Он встретил другую женщину, теперь это моя мачеха. Хорошая женщина, но не мама. Отец с ней счастлив. А я не хочу стать таким, каким себя увидел, но что бы я ни делал, каждый день приближает меня к тому, другому я. Этот человек добился успеха, он окружен роскошью, но внутри него много зла, и он сделал много зла другим.

– Ты ведь свободен в своем выборе не делать зла и не желать его, и будущее станет другим.

– Я-то свободен, а будущее другим не станет. В том и загвоздка.

– Невероятно. Знаешь что? Давай вернемся в музей и залезем в эту чертову капсулу. Мне никогда не хотелось знать, что там впереди, но вдруг я в самом деле закончу в Монте-Карло? Или в другой дыре?

– Ты мне обещала.

– Я даже поклянусь! И твое будущее должно быть другое. Вот увидишь. Ты ошибся, потому что не так понял.

– Там нельзя ошибиться.

– Можно! Программа – или что у них там? – ошиблась.

Клер была в отчаянии. Не оттого, что в одно мгновение развеялся ее чудный мираж. Оттого, что ее деятельная натура требовала самоотдачи, и желание помочь малознакомому парню перевесило все разумные доводы. Нужна ли помощь, Клер забыла спросить. Сочувствие плохой советчик, потому что обязывает к жертве, а жертва не окупается. Любовь – а Клер как истая парижанка признавала лишь высокую трагедию чувств и поэтому панически боялась влюбиться – уменьшила бы ее и без того маленький индекс счастья. Любовь разумно было бы цедить, как реку, через систему шлюзов, но ни в коем случае не допускать наводнения. Но было поздно. Окажись Рассел лгун, мошенник и злодей из комиксов, чего вполне реалистично ожидать от такого милашки, Клер было все равно. Узелок завязался. Отношения – это не шуры-муры у окна с красивой картинкой, а прелюдия к тому, чтобы зализывать раны. Жаль. Клер снова проиграла.

Быстрым шагом молодые люди направились к политехническому музею.

– Закрываемся через двадцать минут, – сообщила женщина-кассир.

– Извините, мы были с группой, и я забыла шарф, – Клер вытащила из кармана смятый билет. – Можно, мы поднимемся и заберем? Нам надо в архитектурный отдел.

– Ладно, проходите.

– Спасибо, мы бегом!

И вот Клер и Рассел снова у капсулы времени, на этот раз они внимательно читают табличку, в которой сообщается про недоработки конструкции и невозможность путешествий, и совершенно не представляют, как попасть внутрь. Нет ни кнопки, ни экранчика с панелью, ни щели для электронного ключа (такие системы современные школьники легко вскрывают и без ключа, даже если они не лицеисты), ни даже примитивного тумблера – ровным счетом ничего. Клер садится на пол и закрывает лицо руками. Она готова расплакаться.

– Чувствую себя идиоткой. Прости. У меня разыгралось воображение – мы действительно ничего не можем изменить.

– Можем отключить капсулу от электричества, и двери разблокируются.

– Но тогда перестанет работать и внутренняя панель управления.

– Я уверен, что панель подключена к автономному источнику энергии. Иначе было бы слишком рискованно.

– Логично. Но не факт.

– Проверим.

- А как же сигнализация и камера наблюдения?
- И это проверим. Пстой на шухере.

Ого, а симпатяшка Рассел оказывается прирожденным взломщиком – впрочем, Клер пока плохо представляет, что есть что, где у парня заканчиваются таланты и начинается практический опыт. Сейчас это неважно. Может быть, никогда неважно: людей сводит вместе случайность, а разводит закономерность. Пока длятся чары случайного узнавания себя в другом, человек простодушен и отзывчив. А когда амальгама стирается с зеркала и сквозь стекло проявляются другие черты, индекс счастья склоняется к тому уровню, который привычен для Клер.

Дверь открыта, наша любознательная молодежь активирует панель – и чудо! нельзя же их лишить чуда? – панель исправна, они выбирают дату и готовы заглянуть на двадцать лет вперед и...

– Мы это увидим или информация каким-то другим образом появится у нас в голове? – спрашивает Клер.

– Не могу сказать, как получится у тебя, но ты определенно поймешь.

– Мы здесь вдвоем. Через двадцать лет мы... каждый будет сам по себе. А если капсула перепутает информацию?

– Нет, каждый узнает только про себя.

– То есть твое будущее я подсмотреть не могу никак и мне снова придется поверить в то, что ты скажешь?

– Чуть-чуть сможешь. И на 95% тебе придется поверить.

– Хорошо. Знаешь что? У нас мало времени. И у меня есть маленькая просьба. Обними меня, пожалуйста, как будто мы вдвоем едем на одном велосипеде, и держи, держи меня крепче, пока мы будем в будущем. Мне страшно: вдруг я не вернусь?

Рассел обнимает девушку, почти так, как она себе много раз представляла, только руки кладет на пояс. Так даже лучше. Неподходящий момент для телячьих нежностей. Клер жмет на пуск и закрывает глаза.

.....

– Кажется, нам наврала, что всегда наступает один и тот же расчетный день, – задумчиво говорит Клер.

Рассел улыбается.

– Да, и мне первый раз крышу снесло, когда я это увидел.

– Кошмар. Но твое личное будущее, судя по всему, не так плохо?

– Смотреть на двадцать лет вперед – это не на пятьдесят.

– Больше никогда не полез в эту пластиковую коробку.

– Никогда не говори никогда.

– Надо же, такая рухлядь, и до сих пор действует.

– Знаешь, что поменяли в следующих моделях? Расчетный день! Только и всего.

– Подожди. До меня дошло. Ты заглядывал в будущее не один раз, все про себя знаешь и наврал мне, только чтобы затащить сюда?!

– А еще знаешь что? – Рассел понижает голос до заговорщического шепота. – Я люблю тебя, Клер Бувиль!

«Да! Люби меня! Навсегда останься со мной! Люби, я этого ждала всю свою маленькую жизнь! И еще двадцать лет», – хочется кричать Клер. Наверное. Я так думаю. Было бы правильно закончить рассказ на оптимистической ноте. Но Клер поворачивается и холодно – кто бы мог подумать? холодно! – замечает:

– Музей закрывается. Побежали?

И они бегут.

День 4-й. Тропа бедуина
Рассказ Редактора на телевидении, эмигрировавшего из Минска в... это военная тайна!

ударить результативно
разделить
устроить
разрушить
победить
1* см. первое из 12 значений.

Да не смутят гуманитария чуждые ему эмпирии «системность» и «матанализ» – речь всего-навсего о слове «разбить».

Да не устрасит первопроходца недоступным сиянием вершина – после кофе с коньяком бедуин пойдет по тропе быстрее.

Ибо когда штурмовали мы на Синае гору Моисея...

Гора как гора; живописные арабы предлагают ехать на верблюде, но правильный паломник идет вверх пешком, слушая тяжелое дыхание верблюда за спиной – не сбил бы, не сбил, зараза!

Холодно. Но взмокла одежда от пота.

Камень с глухим шорохом укатился вниз.

На хрена монашки? А, вижу, сужается тропа, наверху обитель.

Хорошо, хоть никто не курит.

Привал. Светает.

Тело бросаешь рывком – встать!

Вперед!

До вершины дошли не все.

Как нарисованные, убегают с восходом солнца ломаные тени, воспетые Рерихом (тоже плох, не лучше Дали).

Блин, как ноги болят в новых кроссовках...

Теперь вы понимаете, почему Бодуэн де Куртене – русская фамилия и филология – суровая реальность, а не хухры-мухры.

Иншалла.

Свято место пусто не бывает, как учил нас светлой памяти Иван Александрович. Язык – система, фонемы – парные, если слово еще не родилось, его можно придумать.

Как так – после Даля и не родилось?

Да так, товарищ прапорщик. Научно-технический прогресс подгадил. Ендову просрали? Просрали. Теперь будете есть из айфона.

В смысле язык есть живой непрерывный процесс, и если никто не говорит фОльга, предпочитая фольгУ, и вопреки шишковским тихогромам играет на фортепьяно (или как в народе говорят, Был я с утра на фортепьянах), мечтая о рояле в кустах, так тому и быть.

Неблизок путь от Черни до Прокофьева. Рояль был у нас на телеке за режиссерским пультом; прогнав четыре-пять дублей начала (мать вашу бесполезно, куда горизонт завален? почему кран не пошел?), мы расслабились и спокойно продолжали снимать. Болтовня бойких и не очень бойких гостей текла по означенному мной руслу, главной обязанностью Ефимика (режиссера) было переключение кнопок с общего плана на крупный, потом мы доснимали кивающего ведущего и умное молчание визитера, которые были необходимы для монтажа.

А как иначе? Давать полтора часа пурги со всеми четырьмя дублями начала?

Хотя, по-моему, политминутку домового, который битый час в коридоре учил текст, чтобы потом запороть с суфлера, можно было поставить во всех дублях. Эх, раз, один лишь только раз! На том канал бы и сканал. Тупой простите каламбур.

Мы не делали политику. Но регулярно делали про деньги: они давали информационный повод. То банк сувенирную монету выпустит, то экономисты свою холеру.

Однако на первом месте по поводам у нас были времена года. От половодья до жатвы, от пробуждения клещей до курлыканья журавлей, от русальих бдений до новогоднего угара. Все как положено. Детям – 1 июня. Женщинам – 8 марта.

23 февраля у нас был самый проблемный монтаж.

Как сейчас помню.

Прислали чудака, который намудрил с монтажной линейкой так, что вышло хуже хлебо-резки. В смысле, хуже Sound Forge, хуже которого ничего быть не может.

Майн Готт, мы отделились от Бодуэна. «Без экспериментальной проверки теория мертва!» – постулат, из которого исходил великий ученый. Пойдем за ним и мы, приняв исходный постулат на вооружение.

Системность языка подразумевает наличие формальных и фактических оппозиций во всех возможных вариантах.

Пример формотворчества: дом/том/бом/ком/сом/лом/

дам/там/бам/кам/сам/лам

дым/...

дум/.../бум/кум/.../...

дем./тем/.../кем/сем./...

дим/тим/бим/ким/сим/лим. и т.д.

Если есть вакантная позиция, она занимается путем наименьшего сопротивления, и новое слово/словоформа подстраивается под существующую модель. Последний ряд при не самом характерном для рус.яз. фонет. сочетании дает нам узнаваемые а) имена собственные, б) части более сложных слов. Но сочетания с «я» (ja) и «ю» (ju) нам ничего не дадут, поскольку такой позиции в данном языке нет.

Нужно ли искать черную кошку в темной комнате? Не надо быть Гегелем или хотя бы китайцем, чтобы понять: кошки там нет. No cat at all.

Где зарыта собака? В чем фактическая оппозиция? Так можно договориться до темы и ремы, но это вы не проходили, это вам не задавали.

Хотя можете записать новое слово – ДИХОТОМИЯ, которое означает деление целого на два отдела, затем разветвление еще на два подраздела и т. д. Кто писал алгоритмы, понял.

Нэнько нэнько зеленэнько, процитирую нашего завматчасти Загоруйко.

Коля Загоруйко (Хунта жиртрест) – это не просто история. Это сага о Форсайтах. «Видишь ли, Коля, сколько солидол не жуй, все равно не встанет солнце», – сказано было мной ему однажды в сердцах. Вот тут он не допер. С такими не берут Синай.

Как-то Загоруйко сподобился выиграть чемпионат по покеру. В период отпускного межсезонья, когда русалки отзвенели, а комбайны на ниву выпускать рано, тема пошла. Хунта так разговлялся мелким бесом, что ведущий начал кивать на диво искренне. Ефимик прилепил в монтаж художество, где были чмыри с засаленными картами, хотя мог ограничиться натурой: первогодки в дежурке разбирают компьютерный солитер; короче, Гаплодий одобрил.

Гаплодий, друг соплодий, олицетворял наше непосредственное руководство. Мне он запомнился неологизмом «знаменоносец», озвученным в официальной речуге. Филолог во мне не преминул его исправить, указав на необходимость опущения в некоторых случаях одного из

двух следующих друг за другом одинаковых слогов, каковое явление в лингвистике называется гаплогогия, на что он отозвался:

– Тоже мне, гаплогогий. Сиди, пиши.

Сам нарвался.

Невзлюбил меня Гаплогогий сразу. С тех пор, как был к нам свеженазначен. С первой планерки, на которой высказал свою угрозу: «Теперь работу оборонного ведомства вы будете освещать, как надо!».

«Как нам надо, так и будем освещать», – говорю я.

Запомнил.

Угроза оказалась реалистичной.

Но и мы не лаптем щи хлебамши.

Обычно Гаплогогий смотрел на работе Дискавери или что-то вроде, абы по экрану плавали рыбы. Ефимик, регулярно получая служебный втык, отмечал, что рыбы были единственным позитивным моментом, который он выносил из кабинета. О коммерческих способностях шефа мнения он был невысокого:

– Мечтал купил аквариум. Жена не разрешила. Купил телеканал.

Сам реж. звал начальство за глаза «наша Зыкина».

«При мышлении человек пользуется не только значениями слов, но и образами (поэтому иногда говорят о наглядно-образном мышлении). А знаменитый философ-диалектик Гегель обратил внимание на то, что и непосредственная трудовая деятельность, – скажем, труд каменщика – обязательно требует мышления, и в этом случае человек в определенном смысле мыслит самими своими действиями. Это очень точное наблюдение: ведь трудовые действия человека всегда осмысленны.

Но все-таки основное орудие мышления – это язык. Именно поэтому Карл Маркс назвал язык «непосредственной действительностью мысли». Энциклопедический словарь юного филолога, М., 1984, на след. стр. от Бодуэна.

Черкну пару строк, пока не упал снег Куросавы:

Мы жили (исключение из правил).

Мы бесполезно прожили – а то!

Наш гений спал. Нас век душил, и правил

Автопилот, автопортрет, авто...

Жили бы мы жили не тужили, но в один прекрасный день, т. е. вечер, домового свалил аппендицит. По словам Ефимика, новость Гаплогогий поведал едва ли не злорадно, имея в подтексте «Меньше водки жрать надо»:

– Ну-с, зайцы-побегайцы, чем эфир закрывать будем?

– Вы и садитесь. Текст в суфлер дадим.

– Я бы сел. Но меня в Берне ждут.

Гаплогогий намекал, что послезавтра улетает на международный семинар «Актуальные вызовы современности. Компьютерная безопасность». Как будто мы не были наслышаны за три месяца. И не мной написан был ему доклад.

– Тогда – помирать так с песней! – я предложил Зыкиной твою кандидатуру, – рассказывал Ефимик. – Поморщился, но согласился. Дерзай.

Никогда Штирлиц не был настолько близок к провалу.

– Мне в кадр нельзя. У меня рожа нефотогеничная.

– У всех такая.

– У меня хуже. И это мнение специалиста, отягощенного курсом мировой литературы. Поставь Хунту.

– Загоруйко в монитор не влезет.

– Раньше влезал.

– Там у меня другая композиция кадра.

– Фима, хороший режиссер всегда найдет, куда сделать композицию. Ты, конечно, у меня не Бергман...

Зря я так. Но нутро не подвело – после сравнения с Бергманом Ефимик постарался доказать обратное.

Гаплодий утвердил Хунту, оставалось наскоро подогнать под доступный обывателю формат «Компьютерную безопасность» и спать. Спать!

«При изучении языка Бодуэн не замыкался в рамках лингвистики. Напротив, он считал, что языкознание должно опираться на достижения психологии и социологии, что полное исследование языковых фактов невозможно без обращения к данным этнографии, археологии, истории культуры. Все это Бодуэн не просто декларировал, а практически осуществлял в своих работах». Энциклопедический словарь юного филолога, 1984.

Хунта отработал политминутку на пять баллов. Долгие годы на службе у солидола не сумели загасить в нем артистический талант. Однако Гаплодий нашел к чему придраться. Была надежда, что пакуя носки в дорогу, он не сунет нос в эфир, но пострел везде поспел. Сияя как медный грош (написал бы на моем месте классик), он вызвал нас с режем на ковер:

– Почему Загоруйко у вас все время говорит «процессЁр»?

Каюсь, недосмотр. Пожимаю плечами:

– Думаю, он так говорит всегда.

– Думать надо раньше. Чего он в паузах как жвачку жует?

А действительно была у Коли привычка шлепать губами, и говорил он, входя в раж, слегка причмокивая. На общих планах, когда снимали покер, незаметно. На крупном выперло, хотя чмоки Ефимик при монтаже заглушил.

– Наверное, рассинхрон, – отвечаю.

– Это вы у меня рассинхрон! Оба! Режиссер и сценасЁр.

Гаплодий счастливо загоготал, якобы удачно пошутил.

– Чтоб духу Загоруйки больше в эфире не было. Поняли задачу?

– Поняли, не будет.

– Чем дыры затыкать, это ваша проблема. Не найдете чем – у кого-то отпуск накрылся.

– Можем культурой, – нашелся Ефимик.

– У меня ваша культура вот где! – Гаплодий выразительно провел секущим жестом себе по горлу. – Ладно. Учитесь, пока я жив. Все новое хорошо забытое старое. Берите домово... тьфу, Холопеню из архива.

На том Гаплодий с чистым сердцем улетел в Берн читать мой доклад.

Люблю я и люблю безвозмездно в багрец и золото одетые леса, грибные дожди, трель жаворонка и кучевые облака, готовые оросить поля живительным ливнем. Поземки и туманы, проворные ручьи и тихие бобровые заводи, ягоды земляники и горький дым сжигаемых опавших листьев. Склонившиеся в парке над прудами ивы и кованые ограды мостов. Веселых гипсовых пионеров и танцующие фонтаны. Гул трамвая по мостовой и странноприимный ковчег минских кафе, не до конца превращенных в шантаны. Уродливые махины окраин и вылизанный для иностранцев центр, аляповатые фрески периода зрелого социализма (в ярко-красных

тонах «вырви глаз») и притаившиеся во дворах, в стороне от проспекта, двухэтажки; колоннады фальшивых дворцов и вороний грай.

Но вместо живительной прогулки по загазованным улицам родины – не было в детстве моем этих жлобовских плиточек, а был обычный потресканный асфальт – иду я в архив по душу нестареющего демагога; поднимаюсь по лестнице и выглядываю в окно.

Нет больше моего города.

Пустыня.

Бликуют стекла новостроек,
безликих, как водонапорный термос.

Где мои 17 лет?!

Словарь о Бодуэне де Куртене: «С должным уважением относясь к достижениям предшественников, он, однако, без колебаний отвергал все рутинное, мешавшее развитию науки, и выдвигал положения, поражающие его современников необычностью».

Тома оцифрованных нетленок не сулили ничего хорошего, как не сулит хорошее горнякам шахта имени Засядько. Ткнув наугад в первый попавшийся диск, примерно пятилетней выдержки, обнаруживаю музейное дело. Нетипично для домового. И хотя начальство настоятельно рекомендовало воздержаться от культуры, копирую.

И засядько. В кибуце кончились орехи.

Холопня тоже шел по пути наименьшего сопротивления, т. е. от случая к случаю. Есть информационный повод – есть опус. У него поводы были строго официальные, поэтому муссировать их повторно чревато.

Звоню Ефимику. У него память лучше. Реж вздыхает и вместо того, чтобы протянуть руку помощи, повторяет завет Гаплодия:

– Работать надо молча и быстро. А я чай пью.

Но сжалился-таки Фима и вспомнил:

– У домового пару лет тому был исторический цикл про арабо-израильский конфликт. Какая-то годовщина, но я годовщину вырежу.

– Хорошо. Но в Багдаде все спокойно.

– Затишье перед бурей.

– Не улавливаю ход твоих мыслей.

– Сначала дадим музей. На всякий случай. И пока у нас будет музейное дело, пусть Наппельбаум в Сирию сходит. Я договорюсь, чтобы его на границе стопорнули.

Это был беспроигрышный вариант: диссидент, он и в Хайфе диссидент. С вероятностью в 90% мы могли рассчитывать, что хронометраж походов нашего героя превысит цикл домового, иными словами, архив своевременно подведет теоретическую базу, а потом, дай-то бог, идеолог оправится и начнет вещать в режиме реального времени.

– Твоя задача организовать Наппельбаума, – говорит повеселевший Ефимик (представляю, как на следующей фразе он поднимает очи горе). – Хорошо тебе. Поедешь греться на море в свой сраный Египет.

И идет звонить со служебного свояку на таможне. А я иду искать Наппельбаума.

Если по-испански рыба «пЕска», как будет рыбак?

Пескарь?

Олухи! ПЕСКАДОР!

Из лекции профессора славистики, посвященной основам матанализа в языкознании.

Так шаг за шагом топтали мы тропу Бодуэна к недостижимым вершинам знаний. Язык – система, фонемы – парные, синхрония – сейчас, диахрония – вчера и завтра, вылетит слово – и пиши пропало.

P.S. Не могу найти свою армейскую фотографию, поэтому прилагаю рукотворное яйцо, добытое за 5 фунтов L.E. (arrg. 1\$) на горе Моисея до того, как началась Великая Арабская Весна.

День 5-й. Ангел и химера

Рассказ Прихожанки о приключениях ее друзей в мистическом граде Вильнюсе

Эта история началась на рынке Хале. Мы искали подарок. Непросто найти необычную вещь: в мире, где все предметы названы, описаны и разрекламированы, человек обречен на банальность. Только заикнитесь, что нужно «то, не знаю, что», как вам сунут в руки десяток технологичных безделушек и охотно покажут десяток направлений, где продается то же самое. Ни загадки, ни чуда. Мир препарирован и разложен по полочкам. Реальность предельно далека от сказки. Никакой тайны, ведь тайна предполагает что-то неизвестное. Ускользнувшее от классификации. Неназванное имя. Много неназванного вы обнаружите, листая каталог?

Юхан терпеть не мог вещи из каталога. Профессию он выбрал будто назло своей натуре: инженер, системщик, администратор. А в душе остался жителем леса. С компьютерами Юхан справлялся успешно, чего не скажешь о троллях, феях, кобольдах, ведьмах с Синей горы и прочей фольклорной нечисти. На работе, ясное дело, наш молодец держал язык за зубами, зато в компании да еще навеселе, наболтать мог такого, что случайные наши гости, если впоследствии случалось пересекаться, странно косились и на меня, и Петра, и Ильсу. Мы друзья, ясное дело, не отпереться, хотя откровения Юхана не раз озадачивали и нас.

Недалекие люди подозревали в нем леность и некий род тупости (тот род, когда человек не желает зла другому и жалеет обидчика), однако швед был нормальнее многих. Ему чужды были зависть и лесть, он никогда не паниковал и был равнодушен к чужим суждениям.

Он тосковал по своему Онгерманланду. Были мы там. Избенка в глухомани, сосны да мох, ничего особенного. Олени, говорят, ходят, но мы ни одного не встретили. Разве что очень много сосен и мха, да по весне богатая россыпь первоцветов. Далеко забираться в лес страшно, потом и с навигатором дороги назад не найдешь. Все развлечение в Солефтео съездить. Продуктов купишь, в кирху заглянешь, в баре посидишь. Провинция и глушь. Но это для нас, туристов. Для Юхана домик на опушке был пуп земли.

Вообще странно, как судьба побросала по свету такого равнодушного к перемене мест человека. Работал он в Бирме, Турции, Чехии, Германии, не прижился нигде, не выучил ни одного нового языка и не вывез из других стран никаких экзотических привычек. Дорога из дома в офис и обратно – вся география, которую он изучил. В Литву он перебрался, чтобы быть ближе к Швеции, и устроился на завод, производивший кофе. На упаковке красовалось «Made in Germany», злые языки поговаривали, что все бренды фасовались из одного мешка и отличались только названием и упаковкой. Так или не так, кофе расходился по ближним границам, Юхан не сильно напрягался, колдуя с компьютерами, и привычкам своим не изменял: дорога на работу из дома и обратно. В отпуск без вариантов – в Онгерманланд.

Но Вильнюс город мистический, пусть и не в такой степени, как Прага, и пренебрежения к себе не прощает. Путник не закружится здесь в лабиринте старых улочек, не сойдет с ума, вглядываясь в воды быстрой речки и не искуется броситься вниз с горы трех крестов. Но жестоко посмеяться может многочисленное войско его ангелов, и могут обратить в голема призраки мудрецов.

Ни о чем таком Юхан не помышлял. Его мистика была другого порядка. Духи природы были бесхитростны, лесные девы наивны. Тролля на крайняк можно было шугануть вилами, с ведьмами договориться: я не лезу на ваш шабаш – и вы не шалите на моей опушке.

С виленскими ангелами и мудрецами, сами понимаете, договориться нельзя. Праведников и язычников их суровое воинство не любит. Как смеет простой человек не страдать и не каяться? Откуда высокомерие, чтобы бросать вызов небесам? Юхан смел, не подозревая об этом. Небесам он предпочитал избенку на опушке и скромную съемную квартирку. Хуже того, он дерзал не грешить. Как-то само собой получалось. Не совершал дурных поступков и не имел злых мыслей по лености ли, по тупости, или просто по чистоте души. И пока мы искали подарок для друга, ангелы лелеяли план мести. Ну, может, не ангелы, а кто-то другой.

Звонкие колокольчики, солевая кормушка для лосей, охотничий рожок, причудливая свистулька-манок – мы предполагали что-то такое. Ничего не попадалось. Статуэтки гномов и будд мы решительно отвергли, остановились было у больших плетеных корзин, которые на поверку оказались китайскими, и вдруг, в каком-то закутке, внимание Ильсы привлекли две фигурные железки. Продавец затруднился определить, что это за штуки. Подставка для чайника, капкан, детали головоломки, спортивный инвентарь, крепежи рыцарских лат – мы гадали, спорили и передавали железки друг другу. Предмет был нелепый, но странно притягательный. И, похоже, старинный. Его хотелось держать в руках, поворачивать, крутить, рассматривать. Но какое применение могла иметь эта вещь? Юхан при всех «чудесатых» заморочках был практичным хозяином, как человек он нам нравился, и не хотелось нести в его дом невесть что. Стоила бессмыслица символические два евро, и мы после некоторых колебаний решили ее взять. Чтобы скрасить впечатление от неказистого подарка, мы накупили в продовольственном павильоне колбас, фруктов и вина.

Итак, мы вручили железки Юхану, он просиял или из деликатности сделал вид, что лучшего подарка на свете быть не может. Праздник прошел весело, и очень скоро начался отпускной сезон. Мы поочередно разъехались кто куда.

Конец лета пролетел стремительно, солнце покатилося к тропику Рака, начались долгие холодные вечера. Мы не сразу заметили перемену в Юхане. Он будто похудел и стал более рассеян, но разве это не типично для вернувшегося из отпуска? Лишь когда наша компания собралась на вылазку в провинцию в последний уик-энд октября, швед ошарашил новостью:

- Я женюсь. Скоро я должен буду уехать. Вы очень хорошие друзья и жаль расставаться.
- Ну ты, брат, даешь! Это здорово! Поздравляем! Она местная или шведка? Как вы познакомились? Покажи фотки!
- Она... можно сказать, местная. Она всякая. Необыкновенная.
- Ну дай хоть взглянуть!
- Не могу. У нее нет фото.
- Как это, вообще нет? Не хочет девушка светиться в сетях, ее право, но неужели ты тайком ее ни разу не щелкнул?
- Она бы рассердилась и исчезла.
- Царевна-лягушка, что ли? – не удержался Петр. – Или роскошная нимфа из твоих лесов?
- Нет, она... В общем, познакомитесь, сами поймете.

И такая мечтательная и грустная была у Юхана улыбка, что не оставалось сомнений: пропал наш дикарь. Совсем пропал, как малое дитя, заплутавшее в дебрях. Это Онгерманланд для него был как пять пальцев, а обычная любовь как темный лес, простите за оксюморон. Только обычная ли?

Следующий уик-энд мы договорились провести в Вильнюсе, и встретиться на нейтральной территории, в баре или клубе, как повезет. В свою квартирку Юхан нас больше не приглашал. На свадьбу не звал, хотя дал понять, что венчание состоится скоро.

Невесту Юхана звали Люциана. Тонкая, нежная, белокурая, с классическими чертами лица. И с таким холодком, что эпитеты «миленькая», «красотка» или «класная девчонка» к ней не вязались. Голос у Мисс Совершенство был мелодичный, говорила она с легким акцентом, чуть жеманно, двигалась изящно, и от всего вместе взятого было не по себе. Знакомство вышло натянутое. Петр, весельчак и мастер на всякие розыгрыши, стусевался и как язык проглотил. Ильса сразу возненавидела избранницу. А Юхан в снежной королеве души не чаял. В общем, посидели мы пару часов за столиком приличия ради и оставили шведа коротать вечер с Люцианой. Ему ничего больше и не надо было.

Мы медленно прошли по улице Бернардинцев, спустились к костелу Анны, заглянули в парк. Было холодно и безлюдно, мы повернули назад. Как ни странно, монастырский дворик был еще открыт, мы зашли внутрь и присели на скамьи в костеле.

– Лучше бы нашел себе здоровую веселую кикимору, чем эту бледную немочь, – сказала Ильса.

– Да ты ревнуешь, подруга! – к Петру вернулась его обычная беспечность. – А царевна и правда отмороженная.

– Мертвячка! Как к такой ревновать?

– Как мимо такой пройти и не заметить, это да...

– Она и тебе понравилась? – Ильса почти обиделась.

– Разве Люциана кому-то может не нравиться? Но слишком изысканная. Я люблю попроще.

– Ага, с сиськами побольше.

– В придачу к сиськам не помешают мозги. Два в одном, ясно? Два достоинства должны сойтись в одной.

– Разговорчики еще те для святого места, – заметила я. – Хотя бы не орите так, а то нас выгонят.

– Бог простит, – философски заметил Петр, – и если этот деревянный парень нас слышит, он поймет. Он же не идиот.

– Давайте все вместе помолимся, – предложила Ильса.

Петр скорчил кислую мину, я, наверное, тоже, но мы все-таки встали и подошли к искусно вырезанной композиции с вознесением и ангелами. И Петр серьезно произнес:

– Господи, спаси раба твоего неразумного Юхана! Пусть он швед и не католик, он хороший человек. Спаси его от губительного союза с девой Люцианой, которая неизвестно кто, по моему, даже не божья тварь – чего ржете, красивые? – Да святится имя твое, аминь.

– Теперь нас точно выгонят.

– Нет, сами уйдем. Только монетки в ящик кинем для верности.

– Это не игровой автомат! – возмутилась Ильса. В отличие от нас она была глубоко верующей.

– Не автомат, ты права, – сказала я. – Петр пошутил. Просто нам жаль бедных бернардинцев, которым слабо жертвуют.

Мы бросили по монете и вышли на улицу.

– Вспомнилась мне одна история, когда смотрела на резные фигурки, – задумчиво сказала Ильса, – но она долгая, в двух словах не передашь.

– Вечер у нас сегодня тоже долгий, – сказала я, – и делать нечего.

– Давайте в бар, вдарим по пивасику, – предложил Петр.

Мы повернули в Заречье, республику граффити и сломанных фортепяно. На темных улочках царило затишье, и хоть и не сразу, мы нашли уютное кафе. Устроились за столиком в нише, и Ильса начала:

– Эту историю мне рассказывала бабушка, а ей тоже кто-то рассказал. Давно это случилось, еще в 19-м веке. Бабушка родом из маленькой деревни, считай, хуторянка, а недалеко,

километрах в трех, была деревня большая. Была там мельница, и мельник богатый, и было у него четыре сына и три дочери. Девочек мельник выдал замуж, а каждому из сыновей выделил долю, чтобы обустроились своим домом. Младшего отправил учиться в Лодзь, на инженера, и когда пришла пора, вернулся сын не один, а с молодой женой. Красивая была полячка, пани Барбара, пани Бася. И гордая – не захотела знаться с местными бабами, не стала языки с ними чесать. И с другими невестками отношения не сложились. Но как сама была из бедной семьи, нищих не презирала. Таскалась там одна, хромая Параска, так пани Бася то хлеба ей даст, то муки, то что-нибудь из одежды.

Сын мельника очень любил полячку, она его, видно, не очень, однако верна была. Двоих детей родила, и те умерли в младенчестве. Несчастливая была Бася. Только никто не видел, чтобы жаловалась и плакала. На пятый год замужества пришел ее черный день – мельников сын умер. Осталась пани Бася одна. И без того бабы ее не жаловали, теперь и вовсе языки распустили. Поговаривали, что некогда скучать прекрасной полячке: то один, то другой мужик зайдет, и парни на девочек смотреть перестали. Может, что где и было, а скорее, ввали по злобе да по зависти. Никаких доказательств беспутства Баси не нашлось.

На беду Баси, стал ее обихаживать другой сын мельника, Михал. Был он еще недавно первый парень на деревне, женился поздно, взял девочку из зажиточной семьи. Крыстя была крупная, бойкая, за словом в карман не лезла, и скандалить первая мастерица. Хозяйство вела умело, держала себя чисто, двое детей были здоровы, а Михал стал потихоньку попивать и поколачивать Крыстю. Но когда пани Бася где-то рядом, Михал был тише воды, ниже травы. И только повод искал, чтобы лишний раз полячку увидеть. Крыстя учуяла, куда ветер дует, и стала подбивать других баб против Баси. Но деревенские тоже не простаки, брехать-то набрежут, а разбирать чужие свары охотников нет, себе дороже выйдет. Гордячки Баси сторонились, но теперь не осуждали, не было на ней вины, а Михала жалели, что связался с бабой-паскудницей.

Тут прислали в парафию молодого ксендза. Ему сразу же захотелось подновить костел, подправить убранство, с согласия общины собрали денег и пригласили художника. Художник, пан Владислав, был родом из Кракова, и совсем немного времени понадобилось, чтобы судьба свела его с Басей. Полячка на службы в костел ходила в трауре, Владислав обратил внимание, что она держалась особняком, и разузнал, в чем дело. Долг чести велел поддержать соотечественницу, но разве это не смешное объяснение? Бася была молода. Скорбь лишь подчеркивала ее красоту, грусть придавала утонченность. Она была полна жизни и, как ни боялась сама себе признаться, полна надежд. Владислав влюбился с первого взгляда, и когда они встретились, Бася влюбилась тоже. Правду говорят – случилось это, как искра вспыхнула, и зажгла искра глаза Баси. За сына мельника она пошла не по сердцу, а художник был ей ровня. И теперь она готова была продать дом, бросить деревню, где не знала счастья, и уехать с любимым хоть на край света.

Работа в костеле близилась к завершению. Владислав подправил лепнину, отреставрировал фигурки, и добавил несколько новых. Прихожане ахнули, когда увидели результат. Но о чем смолчали: один из ангелов у прохода к алтарю был точь-в-точь пани Бася. Заметили это и Михал, и Крыстя. Михал ничего не сказал, но вечером дома напился, а Крыстя не переставала зудеть:

– Ишь чего шляхтенок выдумал! У алтаря свою курву поставил, а нам ей прикажете ноги целовать? Или, может, задницу ее поганую? Так вы ж, мужики, и рады, зацелуете, кобели! И откуда такого ксендза прислали, езуитское семя, тьфу, срамник и рукоблуд! А ты чего воды в рот набрал? Увел шляхтенок твою кралю? Ты ей сколько денег обещал – не взяла, гордая, ты ж понимаешь, а повелась на мазилу беспорточного. Да вся цена ей медный грош!

Не стерпел тут Михал, ударил Крыстю. Сильно ударил. Женщина выскочила во двор, рванулась на улицу, продолжая кричать:

– Ой-ой, люди! Помогите! Убивают! Ой, деточки, ой святые угодники, что это делается, убивают!

Никто не слышал Крыстю или не захотели вступиться. Михал поймал женку, затащил в дом и бил до тех пор, пока баба не затихла. Выпил еще и завалился спать, не раздеваясь.

Ильса сделала паузу.

– Подруга, у тебя актерский талант! – сказала я. – Ты преображаешься, и все словно происходит у нас на глазах. Невероятно.

– И талант этот пропадает в отделе маркетинга, – констатировал Петр. – Кто куда, а я еще по пивасику.

– Пытаюсь воспроизвести колорит, – усмехнулась Ильса. – Я не раз слышала эту... сказку.

– До сих пор было более-менее реалистично.

– Страшная сказка начинается там, где начинается любовь.

– Я всегда говорил – к черту любовь, – Петр вернулся от стойки с бокалами и колбасками. – Что ни любовь, то трагедия. Вильям Шекспир. Ну, девчонки, я готов внимать дальше.

– Когда Крыстя отправилась от побоев, злоба против прекрасной полячки разгорелась в ее душе еще сильнее. Никто не знает, к каким хитростям она прибегла, каким черным делом занялась, да только Бася вскоре сказала нездоровой и перестала ходить на улицу, художник не спешил уезжать, и был чем-то обеспокоен. А Бася-то была на сносях, и зазорно ей, вдове, второй раз не венчанной, было звать повитуху. Но как стала рожать, люди все узнали. Несчастливая звезда не миновала полячку: ребенок выжил, а сама она умерла. Владислав забрал ребенка, девочку, и уехал, а жизнь деревни продолжалась своим чередом.

Остался в костеле ангел. И в годовщину смерти Баси ангел заплакал. Ксендз без обиняков заявил, что это чудо и прочитал проповедь о терпимости и прощении, о том, что любовь дар небесный, который нельзя отвергать, и ближнего надо ценить, потому что наше земное пребывание скоротечно, и часто нельзя исправить ошибки. Кое-то из прихожан заподозрил, что сам ксендз, не по чину, был равнодушен к пани Басе, но другие приняли проповедь за чистую монету. Мало-помалу у ангела стали просить заступничества и загадывать желания. Иногда желания исполнялись. Миновал еще год, на щеках ангела снова выступили слезы, и молва о чуде разнеслась по окрестностям. Помолиться ангелу стали приезжать издалека.

Крыстя ходила королевой, потолстела еще больше. Забеременеть она больше не могла. Говорила, что выкинула, когда Михал сильно избил, и с тех пор бесплодна. А люди судачили, что прокляла мельничиху хромоногая Параска, и беда еще впереди. Михал спал с лица, исхудал – совсем как наш Юхан – все больше молчал, держался зверем, и часто недоброе, очень недоброе намерение мелькало в его взгляде. Работал он не как раньше, но еще держал долю, хотя всеми делами на мельнице ведали братья.

Как-то зимой, Михал до позднего вечера просидел в кабаке, сильно напился и петляя и спотыкаясь поплелся домой.

– Ах ты, жидюга зловредный, чтоб тебя черт попутал, когда в кабак в следующий раз пойдешь, – встретила с порога Крыстя, – чтоб тебя парша разъела, чтоб тебя лихоманка растрясла, чтоб тебе сдохнуть как псу под забором!

– Сама сдохни, дура, – отозвался Михал.

– Скажи правду – ту пщечку ты мог бы ударить? Нет, ты бы ее пальцем не тронул. Порченная же была баба, родить не могла, что вы в ней нашли?

– Не твоего куриного ума дело.

– Моего и дело. А твой ум где сейчас? Обвела тебя холера ясна. Чудеса теперь творит. Знаем, что за чудеса.

– Замолчи.

– А ты не воняй, будь мужиком. И если неправду говорю, бери топор, порубай и меня, и малых деток. Погубил ты нас из-за Баськи. Свою жизнь погубил. Дурная твоя натура, Михал! Гнилая кровь!

Схватил Михал Крыстю за горло, прижал к стене и задушил бы в ярости, даром что баба сильная и легко могла с пьяным мужем справиться, но тут почудилась ему вместо лица жены морда свинячья, и руки будто в топленом сале утонули. Морда ухмыльнулась и хрюкнула. Михал отпустил Крыстю, отскочил и перекрестился. Баба поправила одежду и спокойно сказала:

– Спасибо тебе, муженек, за ласку, уважил. Такая значит твоя благодарность. За то, что дом держала, кормила тебя, обстирывала, честной девкой за тебя пошла, деток родила. Что кресты на рыло кладешь, ирод штопаный? Не поможет. Нет больше твоей ангелицы.

– Ты... ты убила ее!

– Если и убила, что с того?

– Сгинь, чертово отродье! Сгинь!

– А, уже и до чертей допился! В каком углу мерещатся? Синие они там или красные? Ну где, где? Дай сама погляжу!

Михал бросился вон из хаты, забежал в сарай и в потемках попытался нашарить топор. Хочет свое Крыстя – получит. Давно пора. Такого мужика до ручки довела. Только куда топор пропал? Где топор? И пока глаза привыкали к темноте, будто щелкнула в голове Михала пружинка, посмотрел он вверх и показалось ему, что потолок сарая высокий-высокий, выше сводов дворца, и кафедрального собора, и вверх, в неведомую даль, к неведомым звездам уходят винтом черные лестницы...

Утром Крыстя нашла тело мужа в сарае. Повесился Михал. Никто не сомневался, что мужик себя порешил. Пил сильно, все деревня знала. Крыстя повыла над гробом, как положено, без страсти, и похоронили самоубийцу за оградой.

Через несколько дней взяла Крыстя тот злополучный топор – она-то знала, где лежит – пришла в костел, будто на исповедь, и не успел ксендз обернуться, как набросилась на тихого ангела. Рубила статую, топтала, кричала проклятия, да только назавтра ангел был на своем месте и невредим. Крыстю посадили было под замок, подержали сутки и выпустили. Что с нее взять? Обезумела баба, блажит. Так ведь есть с чего.

Но недолго оставалось ей блажить. Ночью занялся ее дом пламенем, перекинулось на хозяйственные постройки, все сгорело, и погибли в пожаре Крыстя, и дети, и вся скотина. Разное в деревне судачили. Что выкатилась из печки головня, пока баба спала, а крестьянский сон крепок; что подожгли хату собутельники Михала, и дом загорелся сразу с четырех сторон, а больше всего нравилась кумушкам версия, что отомстил Крысте за поругание красивый ангел. Тут уместно было достать платок и всплакнуть.

– Жесть! – прокомментировал Петр. – Представляю эти умильные рожи.

– «С той поры никто больше не видел в окрестностях дурочку Параску» – фраза так и просится в рассказ, – моя реплика.

– Точно, такой момент в рассказе есть, – улыбнулась Ильса.

– Bravo! На роль Параски я бы взял актрису старой школы, – отметил Петр. – Молодая не потянет.

– Прекрасная полячка – типаж Венеры Боттичелли, – предложила я.

– Форнарина? – подхватил Петр. – Кажется, так ее звали.

– Форнарина была у Рафаэля, – неуверенно сказала я.

– А говорили, педик. Так у Сандро другая? Но ведь похожи. Разбери их, этих итальянцев.

– Как-то вы, друзья мои, развеселились. Грустная история, – упрекнула Ильса. – Страшный наш народ!

– Бессмысленный и беспощадный, – Петр притворно вздохнул. – Хоть бы эта Параска. Одна немая сцена, одна реплика, одно исчезновение – и какой образ!

– Без юродивого нет «Бориса Годунова», без могильщиков «Гамлета», без Лизаветы «Преступления и наказания». Закон жанра, – сказала я. – Вот бы кто исследовал, какую смысловую нагрузку в драматургии сюжета несут эпизодические персонажи...

– Мы сегодня еще не пили за науку, – Петр посмотрел на просвет остатки пива в бокале. – Мда. Пиво без водки – деньги на ветер.

– Ну что за гады.

– Ильсочка, прости, это профессиональное.

– Не буду больше ничего вам рассказывать.

– Не хватает эпилога, – продолжила я. – Вроде «ангел исчез». В один прекрасный день, например, воскресенье, прихожане собрались на службу, и по рядам прокатился шепот, люди переглядывались и недоумевали: где прекрасный ангел? За что они отлучены от чуда? Загадку мог бы разрешить молодой ксендз, но по какой-то причине не захотел объяснять, и просто прочитал проповедь о страшном суде и гневном господнем, а пани Бася, Михал и Крыстя навсегда остались частью местного фольклора.

– Разгадка простая: ксендз передал статую другой парафии, возможно, сейчас она находится в одном из соборов Вильнюса. Но ангел больше не плачет, и творит чудо тайно. Надо лишь хорошо попросить. Как его найти? Просто. Сердце подскажет, где тот самый ангел, если сердце ведет любовь, – закончил Петр. – Ильса, разве не так говорила бабушка?

– Вообще-то бабушка говорила, что неправильно делать из женщины ангела. К добру это не приведет.

– Значит она была еще и умная женщина, а не просто убежденная католичка.

– Мы забыли пана Владислава, – напомнила я. – Хотя эту линию продолжать необязательно.

– Совершенно верно, – поддержал Петр. – Надеюсь, художник не был мазохист. Он много путешествовал, создал много работ, знал много женщин, но при этом до конца своих дней оставался рыцарем светлого образа пани Барбары. Ведь он был поляк, а поляк не может прожить жизнь иначе. Я, кстати, на четверть поляк.

– И при каждом удобном случае об этом напоминаешь. Дочь Барбары и Владислава – не буду называть имя – выросла и стала красавицей, – я задумалась, – и может снова случиться несчастливый случай, а не хотелось бы. Поставим точку на сегодня, и по домам!

Сказка, конечно, была китч, и позволить себе сюжет с таким сентиментальным накалом могут лишь либреттисты опер. С другой стороны, китч соответствовал месту действия. Самобытности, обильно приправленной барокко и прирученной Ватиканом. Чтобы проверить кое-какие догадки, я отправилась на следующий день в костел апостолов Петра и Павла. Сколько там фигурок и какие, навскидку не вспомнишь, зато ладью, если раз видел, не забудешь. На этот раз мне нужны были фигурки, скорее всего, второстепенные. Нет, я искала не ангела, исполняющего желания. Почему-то мне казалось, что Люциана, некая основа ее существа, может быть здесь. Наверное, причиной идеи-фикс была услышанная вчера истории.

При нормальном порядке вещей слепок делается с натуры. Либо, распространенная практика, визуальное произведение копируется полностью или частично. Может ли ожить статуя, я лично сомневаюсь; но как пессимист, не могу не отметить, что в наши дни среди людей копий больше оригиналов, и человек чаще является оттиском с собственного, а то и чужого, изображения, а не наоборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.